

Н. Е. ВЕРАКСА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ

Рекомендовано

*Советом по психологии Учебно-методического объединения
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению «Психология» и психологическим специальностям*

2-е издание, исправленное

Москва
Издательский центр «Академия»
2013

УДК 159.9(075.8)

ББК 87я73

В31

Рецензенты:

доктор психологических наук, ректор МГППУ, действительный член РАО,
заслуженный деятель науки РФ, профессор, академик *В. В. Рубцов*;
доктор психологических наук, заведующий кафедрой
возрастной психологии и психологии развития факультета психологии
МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор *А. И. Подольский*

Веракса Н.Е.

В31 Методологические основы психологии : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Н. Е. Веракса. — 2-е изд., испр. — М. : Издательский центр «Академия», 2013. — 240 с. — (Сер. Бакалавриат).

ISBN 978-5-7695-9867-8

Учебное пособие создано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки «Психология» (квалификация «бакалавр»).

В учебном пособии рассматривается структура психологической науки, показываются закономерности становления психологического знания, оформления ее проблематики. Со структурно-диалектических позиций рассматривается проблематика психологических исследований — система различных психологических теорий, объединенных в единое пространство психологического знания, развивающегося по общим законам.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования. Может быть полезно преподавателям психологии, а также всем интересующимся проблемами познания.

УДК 159.9(075.8)

ББК 87я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Веракса Н.Е., 2013

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2013

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2013

ISBN 978-5-7695-9867-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роль науки может пониматься по-разному. Мы исходим из того, что наука — модель реальности.

Точность науки, как любой модели, может быть различной в зависимости от тех оснований и средств, которые используются при построении модели, а также предусмотрены в ходе ее практического применения. Как нам кажется, именно эту идею подчеркивал Х. Ортега-и-Гассет, утверждая, что реальность, о которой судит человек или в которой он действует, не является подарком, а представляет собой конструкцию, создаваемую человеком из подручного материала, оказавшегося в его распоряжении.

Понятно, что таких моделей может быть в принципе сколько угодно, что не умаляет их полезность. В качестве примера можно привести ответ А. Пуанкаре на вопрос о том, какой геометрией описывать физическое пространство: Евклидовой, Лобачевского или Римана. Суть его ответа заключалась в том, что в зависимости от задачи, которая встает перед человеком, удобнее может быть либо одна, либо другая, либо третья. То есть каждая из геометрий представляет одну из моделей реальности и каждая из них обладает своей полезностью, областью применимости. Отсюда следует, что не стоит отказываться от теоретической модели, если она хоть в каком-то приближении правильно описывает реальность. Это не исключает однако стремления к построению единой научной модели как универсального способа репрезентации реальности, а соответственно и единого основания для поиска решений различных практических задач. Подобную задачу применительно к психологии ставил, например, А. Н. Леонтьев.

Приведенная выше трактовка науки позволяет разграничить такие понятия, как «методология науки» и «наука». Главная задача, которую решает наука, связана с проблемой соответствия модели и реальности. Другими словами, наука не может быть равнодушна к вопросу о том, насколько научная модель воспроизводит реальность. Методологический же анализ занимается принципиально другой проблемой — тем, как устроена научная модель сама по себе, в известной мере, безотносительно к реальности. Именно в рамках анализа ценности научного знания можно поставить вопрос о том, насколько научная модель опережает или отстает от реальности, оказывается постоянной и неизменной, в то время как реальность трансформируется и приобретает новые, ранее неизвестные качества.

Постановка таких вопросов может рождать ощущение неадекватности и даже ошибочности любой научной модели (как это показано, например, в работах К. Поппера). Однако, поскольку человеку приходится действовать в предлагаемых обстоятельствах, он вынужден строить модель мира, которая будет либо имплицитной, основанной на здравом смысле, либо рефлексивной, опирающейся на ту или иную методологическую концепцию. Необходимость практического действия оправдывает, на наш взгляд, пусть даже и временный, но все же в этих пределах относительно постоянный и в этом смысле завершенный, образ реальности, отраженный в соответствующей научной модели. Хотя построить единую научную концепцию мира на рациональных основаниях пока еще не удалось (а может быть, и вообще не удастся), но для реализации практической деятельности вполне оправданным оказывается использование уже существующих моделей, и поэтому можно ставить методологические вопросы, касающиеся устройства этих моделей.

Если именно таким образом понимать методологию, то какие направления методологического анализа в этом случае открываются?

Можно сформулировать целый ряд признаков, которым соответствует научная модель, что в значительной степени определит основные линии методологического рассмотрения как общих, так и собственно психологических вопросов.

Перечислим те из них, которые присущи большинству научных построений.

1. Любая научная модель имеет в своем основании систему принципов. Принципы — это правила, по которым строится научная модель, и поэтому они могут выступать в качестве внутреннего критерия адекватности научной модели.

2. Всякая научная модель имеет свой язык. Задача научного языка состоит в описании исследуемых наукой областей реальности. Научный язык переводит фрагменты реальности в пространство научной модели.

3. Научная модель имеет историю своего возникновения: научная модель не берется из ниоткуда, а является результатом трансформации существовавших до нее подходов. Всякая научная модель формируется в силу возникающих возможностей появления научной модели, которые обусловлены предшествующим состоянием научного знания. Реализация таких возможностей рождает новые возможности появления научных моделей. Благодаря такому процессу возникает история конкретной научной области.

4. Для каждой научной модели характерен научный факт. Научный факт с точки зрения конкретной модели в первую очередь удерживает связь научной модели с реальностью: чем боль-

ше фактов, тем основательнее научная модель укоренена в реальности.

5. В научных моделях выделяются научные методы, т. е. способы получения фактов. Главная особенность, которой должен удовлетворять научный метод, заключается в том, что всякий исследователь, адекватно его применяющий, получает ожидаемый научный факт.

6. В научной модели выделяются закономерности, которые отражают связи между научными фактами. Они раскрывают те условия, при которых можно регистрировать конкретные свойства реальности.

7. Научная модель содержит гипотезы. Особенность научной гипотезы состоит в том, что в отличие от закономерности она отражает предполагаемую связь между научными фактами и требует своего доказательства. Однако по характеру научных гипотез можно судить о продуктивности научной модели и о возможностях предсказания с ее помощью новых научных фактов.

8. Важной характеристикой научной модели являются проблемы, на анализ которых претендует данная научная модель. Специфика проблем заключается в том, что одна и та же проблема может рассматриваться в разных научных моделях. Большинство психологических теорий старается рассмотреть, как минимум, следующие три проблемы: проблему развития, проблему мышления и проблему личности.

Всякая новая научная модель должна иметь в своем составе новые компоненты перечисленных характеристик: в языке — новые понятия; в методологии — новые принципы; свою собственную историю, включая новых людей, причастных к разработке модели, новые события (М. Хайдеггер, А. Н. Уайтхед); новые факты и т. д. Предложенный эмпирический подход позволяет отличать новые научные модели от уже существующих. Он лежит в русле традиционной рациональности. Более того, большинство методологических, мировоззренческих и философских споров, сосредоточенных вокруг разнообразного понимания научного знания, имплицитно предполагает этот подход как одно из оснований самих дискуссий. Подобный взгляд на научное знание не только не изжил себя, но и остается тем центром, вокруг которого колеблется современная научная мысль.

В качестве примера достаточно привести позицию Ж. Дерриды — знание можно рассматривать как текст, но сам этот текст может принимать весьма причудливые формы, казалось бы теряющие всякую связь не только с рациональностью, но и с человеческой адекватностью социуму как системе относительно стабильных норм. «“Рациональность”... которая управляет письмом в его расширенном и углубленном понимании, уже не исходит из логоса; она

начинает работу деструкции (destruction): не развал, но подрыв, де-конструкцию (dé-construction) всех тех значений, источником которых был логос. В особенности это касается значения истины»¹. Однако при этом нужно учитывать, что это только один параметр научной модели и при определенных усилиях его можно трансформировать до уровня потери смысла и представить в виде разорванной системы, обладающей своим потенциалом существования вне каких-либо других разумных контекстов. Но научная модель — не один параметр, а целая система, которая участвует в построении образа мира.

Указанные выше характеристики научного знания позволяют отличить не только новую теорию от старой, но и научную теорию от псевдонаучной, поскольку именно псевдонаучные теории не формулируют собственных принципов, методов, понятий, гипотез и т.д. Главная особенность псевдонаучных теорий заключается в том, что они легко заимствуют понятия, гипотезы и факты из других научных теорий, но берут их вне существующей системы взаимодействия между параметрами научной теории.

В соответствии с вышеперечисленными характеристиками научной модели выстроено и данное учебное пособие.

В главе 1 рассматриваются общие методологические принципы. Особое внимание уделяется принципу уподобления (или формального тождества) как одному из главных принципов построения психологического знания.

Глава 2 посвящена анализу специальных принципов и методов анализа связи между ними. Подробно обсуждаются метод анализа по единицам и структурно-диалектический метод.

Роль психологического языка в системе психологического знания раскрывается в главе 3. Показаны сложные структурные взаимосвязи в рамках языковых систем различных психологических теорий.

В главе 4 анализируется психологическая теория и психологический текст. Рассматриваются структурные аспекты психологической теории, ее судьба и зависимость от социального заказа.

Глава 5 посвящена проблеме предмета психологии. Обсуждаются связь предмета и научной модели и то значение, которое придается предмету в рамках соответствующего теоретического подхода.

В главе 6 психологическое знание рассматривается как некое пространство, строящееся по определенным структурным законам и обладающее внутренним единством.

¹ Философия науки: Общие проблемы познания // Методология естественных и гуманитарных наук: хрестоматия / отв. ред.-сост. Л.А. Микешина. — М., 2005. — С. 871—872.

В главе 7 исследуется специфика психологического факта, показывается его связь с психологическими принципами и закономерности.

В главе 8 обсуждаются различные подходы к проблеме развития, показывается связь развития и саморазвития с категорией возможного.

Глава 9 посвящена проблеме построения психического образа в контексте понятия «отражение». В ходе рассмотрения условий возникновения психического образа обсуждается вопрос о его локализации.

В главе 10 анализируется психологическая категория «личность», показывается ее социально-психологическое основание, обсуждается связь биологического и социального в личности.

Основу содержания данной работы составляет структурно-диалектический метод. Более того, учебное пособие может рассматриваться как пример использования его возможностей для систематизации психологического знания.

ОБЩИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИИ

Методология науки — это особая область научного знания, которая выполняет рефлексивную функцию. Другими словами, методология анализирует устройство самой науки. Разница между методологией и наукой заключается в том, что наука исследует отношения между реальностью и ее научной моделью, а методология исследует саму научную модель.

Как же можно исследовать модель, не исследуя реальность? Один из способов — установить соответствие этой модели принципам, характерным для научной модели.

Под *принципом* нами понимается *универсальное правило, которое должно соблюдаться при построении научной модели*. Поэтому мы вправе сказать, что основу методологии составляют принципы. Существует *общая методология* (область знания, которая строится с учетом принципов, вне зависимости от особенностей конкретной науки) и *специальная* (она учитывает принципы, существенные для конкретной науки). Применительно к методологии психологии можно показать, что и в ней существуют группа общих принципов и группа принципов специальных.

Рассмотрим наиболее общие принципы, встречающиеся в любом научном исследовании, начиная с момента образования научного знания. Формулировки этих принципов можно встретить в различных источниках, однако, насколько нам известно, до настоящего времени они не рассматривались как общие принципы психологической науки.

1.1. Принцип уподобления (формального тождества)

Принцип лежит в основе научного мышления и определяет основные характеристики научного знания, такие как предмет, объект и методы исследования. Этот принцип оказал определяющее влияние и на становление психологии. Именно поэтому мы уделим его анализу особое внимание.

Принцип уподобления встречается уже в античной литературе. Однако поскольку этот принцип участвует в построении какого-либо содержания, он пронизывает каждый фрагмент этого содержания, а значит, принцип уподобления довольно трудно отделить от этого содержания. Для того чтобы выявить принцип, нужно найти такое содержание, которое делало бы принцип очевид-

ным. Поскольку содержание передается с помощью категорий, можно попытаться подобрать соответствующую категорию, которая наиболее явно передавала бы суть принципа.

С этой целью рассмотрим категорию «ничто». Ее особенность заключается в том, что любой, кто мыслит «ничто», оказывается тождественен в своем содержании с любым другим человеком, мыслящим эту категорию. Категория «ничто» предельна, поскольку снимает любое содержание. Сознание, удерживающее эту категорию, не только тождественно другому сознанию, также ее рассматривающему, но и тождественно внутри себя, т.е. тождественно самому себе. Здесь имеется в виду то обстоятельство, что если индивидуальное сознание допускает существование «ничто» и вбирает в себя другие категории, то последние также тождественны «ничто» как удерживаемые сознанием, содержащим «ничто».

Отсюда следует принципиальный вывод, что любая категория содержит в себе «ничто» и является ему тождественной. Более того, мы можем сделать вывод, что любые категории тождественны между собой. Таким образом, мы фактически раскрываем суть принципа уподобления (или формального тождества), которая заключается в утверждении, что любое содержание, рассматриваемое познающим сознанием, тождественно самому себе и любому другому содержанию ($A = B$). Более того, всякое содержание является одним и тем же. Поскольку сознание принадлежит человеку, а человек — миру, постольку они подобны.

В связи со сказанным становятся понятны те формулировки, которые были предложены древнегреческими мыслителями:

«Подобное познается подобным»;

«Все есть одно»;

«Человек может познать только то, что он уже знает»;

«Познай себя и ты познаешь весь мир».

Предложенный принцип анализа предполагает внутреннее сходство, однородность различных содержаний. Однако именно он был исходным в развитии психологического знания, в создании первых психологических теорий, например в объяснении взаимодействия души и тела в учениях Демокрита, Платона, Аристотеля и Августина.

Рассмотрим кратко роль принципа уподобления в становлении психологии.

Обратимся прежде всего к античным и средневековым авторам.

Принцип уподобления в психологических построениях Демокрита, Платона, Аристотеля и Августина. Впервые принцип уподобления обозначен в работах Эмпидокла, на которые ссылается Аристотель в своей «Метафизике»:

...А между тем подобное познается подобным.
Землю землею мы зрим, и воду мы зрим водою,
Дивным эфиром эфир, огнем же огонь беспощадный,
Также любовью любовь и вражду ядовитой враждою¹.

Здесь выражена мысль о том, что вступать во взаимодействие могут только те объекты, которые имеют в своем составе общие элементы. Эти общие элементы как бы определяют линии взаимодействия. А если таких общих элементов (или общих свойств) нет, то невозможно и само взаимодействие. Таким образом, принцип уподобления направляет мысль на поиск общих элементов во взаимодействующих объектах. Действие принципа уподобления при конструировании психологической системы Демокрита прослеживается довольно отчетливо. Демокрит исходил из признания существования души и тела. При этом он выделял как душу индивидуальную, так и душу мировую. Один из вопросов, который рассматривал Демокрит, был связан с объяснением взаимодействия души и тела. Душа и тело выступали как два различных начала человека.

Для того чтобы с помощью принципа уподобления понять, как душа связана с телом, было необходимо найти элемент (или свойство), присущий как душе, так и телу. В качестве такого элемента Демокрит выделил атом. Душа и тело оказываются подобны в том смысле, что состоят из атомов. Атомы души могут (как подобное с подобным) взаимодействовать с атомами тела. Отсюда следует, что и душа может взаимодействовать с телом. Душа согласно этому варианту уподобления оказывается материальной и дискретной. Кроме того, душа может находиться как вовне тела (экстериоризоваться), так и внутри, а также легко переходить извне во внутрь и обратно. Ее главным свойством является в этом случае движение (внешнее, механическое). Таким образом, мы сталкиваемся с материалистическим уподоблением души и тела, их отождествлением.

Идейный противник Демокрита Платон также в своих построениях исходил из принципа уподобления. Платон тоже различал душу и тело, душу индивидуальную и мировую. Согласно Платону, всякая вещь характеризуется не только материалом, но и формой. Форма, или идея, вещи и есть ее главная характеристика, которая ей предшествует и является вечной. Таким образом, рассматривая взаимодействие души и тела, Платон выделил общий элемент, который характерен (т.е. является внутренним) как для души, так и для тела, — идею. Он объявил, что идея и есть то, что существует в действительности, а все остальное (материя) не имеет своего существования. В частности, Платон объяснил взаимодействие души и тела как воплощение идеи в теле.

¹ *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 1. — М., 1976. — С. 112.

Таким образом, Демокрит материализовал душу, а Платон — идеализировал мир.

Как следствие принципа уподобления, Платон приходит к мысли, что существует высшая идея, а любая вещь есть та или иная степень отражения (уподобления, высвечивания) этой высшей идеи.

Внес ли Платон что-то новое в понимание уподобления в сравнении с Демокритом?

Прежде всего нужно отметить, что первоначально он применил принцип уподобления в том виде, как это делал и Демокрит, т. е. искал общий внутренний элемент. Но после того как Платон установил его (этот элемент — форма), появилась возможность новой трактовки уподобления: если раньше уподобление понималось как взаимодействие на уровне общих элементов (тождественных), то после Платона открылась другая возможность понимания уподобления — как повторения одной и той же формы на разном материале.

Тонкость заключается в том, что всякий материал имеет форму. Форма же, как подобное с подобным, взаимодействует и с другой формой, что ведет к формообразованию под воздействием некоторой общей или высшей формы, или идеи. Поэтому, начиная с Платона, появляется возможность объяснять сходства (формального) с помощью существования высшей формы. Важно, что это сходство является не развитием, т. е. превращением со временем чего-то исходного, а именно проявлением (уподоблением уже в новом смысле) высшей формы на основе принципа уподобления в понимании Демокрита как взаимодействия сходных элементов.

Следствием подхода Платона к психике является представление, согласно которому душа не допускает переходов извне вовнутрь (как у Демокрита), она изначально дается телу как его форма. Еще раз подчеркнем: у Платона действие уподобления проявилось в том, что он вообще отказался от материального мира (и тела в том числе) — все, что существует, есть идеальное, и всякое взаимодействие есть воплощение идей в материале.

Аристотель, видимо, понимал односторонность подходов как Демокрита, так и Платона: сведение всего к материальности и дискретности (в одном случае) и к идеальности и целостности (в другом). Он стремился уйти от этой односторонности, а соответственно, и от принципа уподобления, которым она вызвана. Он пишет: «...не следует спрашивать, есть ли душа и тело нечто единое, как не следует это спрашивать ни относительно воска, ни отпечатка на нем, ни вообще относительно любой материи и того, материей чего она есть»¹.

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. — М., 1976. — С. 395.

Смысл этой цитаты заключается в том, что бессмысленно анализировать взаимосвязь души и тела, так как душа есть особое свойство тела (состояние, энтелехия и т. п.). Такой ход мыслей мы встречаем не только в древнегреческой философии, но, например, и в древней китайской философии. Известно рассуждение о том, что нельзя отделить от ножа его остроту, хотя острота ножа и сам нож — разные вещи.

Подобный прием Аристотель применяет систематически: «Если бы глаз был живым существом, то его душой было бы зрение»¹; «Если таким образом, мышление есть круговращение, то ум будет кругом, вращение которого есть мышление»².

В свете принципа уподобления более отчетливой становится логика поиска древними авторами первопричины, истинносущего, Бога и т. п. Если есть какая-то первопричина, которая создает все остальное, то она может породить только то, что будет ей подобно, т. е. то, что в каком-то отношении сходно со своим источником. Во всяком случае, в метафизике Аристотеля эта мысль выражена достаточно отчетливо. Так, говоря о пифагорейцах, он писал: (так как) «...им казалось, что все остальное по своей природе явно уподобляемо числам и что числа — первое во всей природе, то они предположили, что элементы чисел суть элементы всегда существующего»³.

Критика Аристотелем Эмпедокла также основана на принципе уподобления. Аристотель исходит из того, что Бог, будучи творцом всего, есть одновременно и самый разумный. Это означает, что в Боге согласно принципу уподобления содержится все то, что находится вне него, так как он мог создать только себе подобное. У Эмпедокла же, пишет Аристотель: «...получается, что Бог, который блаженнее всего, менее разумен, чем остальные существа, ибо он не знает всех элементов: ведь он не содержит в себе вражду»⁴.

Стремление уйти от принципа уподобления с особой силой проявилось при анализе ощущений. Аристотель вплотную подходит здесь к пониманию психики как формы отражения. Определяя ощущение, он пишет: «Относительно любого чувства необходимо вообще признать, что оно есть то, что способно воспринимать формы ощущаемого без его материи, подобно тому, как воск принимает отпечаток перстня без железа или золота... Подобным образом и ощущение, доставляемое каждым органом чувства, испытывает что-то от предмета... Орган чувств тождественен со способностью ощущения, но существо его иное...»⁵.

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. — М., 1976. — С. 395.

² Там же. — С. 382.

³ Там же. — С. 76.

⁴ Там же. — С. 112.

⁵ Там же. — С. 421.

Для того чтобы понять глубину мысли Аристотеля, необходимо понять, в чем же заключается различие между принципами уподобления и отражения. На наш взгляд, главное отличие состоит в том, что принцип уподобления предполагает наличие общего промежуточного элемента (внутреннего), т.е. элемента с одинаковой природой, а принцип отражения такого общего элемента (т.е. элемента с одинаковой природой как для объекта А, так и для объекта В, входящего в свойства этих объектов) не предполагает. Отсюда вытекает главное следствие: в случае уподобления объект А взаимодействует с объектом В через общий элемент (одинаковое с одинаковым), а в случае отражения объект А если и взаимодействует с объектом В, то таких одинаковых элементов во взаимодействии нет. Метафизическая мысль не может объяснить именно это обстоятельство: как происходит взаимодействие между объектами, если у них нет общих элементов?

Аристотель дал ответ на этот вопрос. Но ответ этот настолько опередил свое время, что остался непонятым. Ответ следующий: «Ведь ощущение есть, по-видимому, некоторого рода превращение...»¹. В этой фразе и заключается объяснение главного отличия во взаимодействии между однородными и разнородными объектами, между уподоблением и отражением. В случае отражения нет общих элементов, но есть превращение, в случае же уподобления такие общие элементы есть (но нет превращения). Во всяком случае, анализируя теорию ощущений Аристотеля, можно отчетливо видеть, что восприятие он понимал именно как воздействие объекта А на объект В, и в результате этого воздействия — возникновение в объекте В формы объекта А (образа А). Возникновение образа было возможно благодаря превращению «природы» объекта А в «природу» объекта В.

Еще раз нужно отметить, что метафизическая мысль может устанавливать различия, более того, она может выделить эти различия и довести их до противоположностей, но не может допустить превращения одной противоположности в другую. Эта особенность метафизического подхода с особой силой проявлялась у Августина.

Следует иметь в виду, что и сам Аристотель давал повод к метафизическому пониманию взаимодействия души и тела. Отмечая субстанциальность души и высшей формы, а также понимая развитие теологически — как становление высшей формы на разном материале, — он сам фактически повторял платоновский принцип уподобления: он понимал его как уподобление одной формы другой форме, т.е. как чистое взаимодействие форм.

Так, Аристотель говорил о соответствии душевных и телесных явлений: «По-видимому, все состояния души связаны с телом:

¹ *Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. — М., 1976. — С. 402.*

негодование, кротость, страх, сострадание, отвага, а также радость, любовь и отвращение; вместе с этими состояниями души испытывает нечто и тело... Однако рассуждающий о природе и диалектик по-разному определили бы каждое из этих состояний души, например что такое гнев. А именно: диалектик определил бы гнев как стремление или что-нибудь в этом роде; рассуждающий же о природе — как кипение крови или жара около сердца»¹. В процитированном отрывке содержится ряд идей, но очевиднее всего здесь представлено сопоставление, соответствие телесных и душевных явлений.

Однако соответствие можно получить двумя путями: через уподобление и через отражение (превращение). Поэтому рассуждения Аристотеля о возникновении ощущений могли пониматься и как уподобление (в смысле соответствия одной формы другой), и как отражение (в смысле превращения внешнего объекта во внутренний, материального — в идеальный). Это зависело от способа трактовки Аристотеля.

Идея формальной причины, существования формы форм и понимание развития как становления, как соответствия на разном материале различных форм жизни высшей форме фактически утверждали Платонов принцип уподобления, т.е. метафизическое соответствие.

Во всяком случае, Августин шел по пути метафизического уподобления. Исходя из понимания души и тела как субстанций разного порядка, он отмечал, что не знает, как они связаны между собой, и лишь указывал на их соответствие. Так, он подчеркивал, что рана и боль от раны принадлежат разным субстанциям.

Августин выделял телесный образ, которому соответствовал психический образ. Однако, отмечая факт соответствия между ними, не знал, как объяснить его. Что касается телесного образа объекта, то его возникновение, по Августину, объяснялось сравнительно просто — через соответствие телесного образа объекту, достигавшееся благодаря движению глаза при рассматривании объекта. Августин говорил об огненной субстанции, которую испускает глаз при рассматривании: эта огненная субстанция нужна была ему для того, чтобы его понимание процесса не противоречило принципу уподобления. Именно через такую субстанцию, по Августину, тело человека при зрении уподобляется (взаимодействует) с материальным предметом. Именно поэтому сама субстанция хотя и очень тонкая, но все-таки материальная. Понять же соответствие материального (телесного) образа и психического Августин затруднялся. Он высказывал предположение, что материальная и духовная субстанции могут быть перемешаны между собой как две жидкости.

¹ *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 1. — М., 1976. — С. 373—374.

В конечном итоге Августин останавливается на метафизическом объяснении соответствия. Есть высшая форма (или идея), которая по-разному воплощается в материале. Эта идея (например, какого-либо предмета) содержится в форме форм, а затем проявляется на разных уровнях: на уровне материального предмета (первая форма), на уровне телесного образа (вторая форма), на уровне духовного образа (третья форма), на уровне образа памяти (четвертая форма) и т.д. Причем, естественно, чем выше уровень проявления этой идеи, тем больше форма соответствует оригиналу, т.е. высшей форме, или идее (которая принадлежит Богу).

Но из такого понимания следует, что уровень проявления формы зависит от материала, на котором проявляется данная форма. Скажем, дух человека (душа) низменные, материальные формы одухотворяет, т.е. поднимает до своего уровня, наделяя их несвойственными им высшими качествами, а высшие, божественные формы, наоборот, низводит до себя. Получается, что, по Августину, познание всегда осуществляется с искажениями, за исключением одного случая: когда форма накладывается на тот же самый материал, из которого сделана сама форма. Но это возможно только тогда, когда объект и субъект познания совпадают, — в самонаблюдении.

Итак, мы видим, что принцип уподобления используется при объяснении психологических вопросов в трудах античных и средневековых авторов. У Демокрита он проявляется как материальность души и тела, затем у Платона — не только как однородность взаимодействующих тел, но и как соответствие форм. У Августина принцип уподобления трансформируется (под влиянием Аристотеля) в психофизическую проблему, в проблему самонаблюдения как высшей формы познания психики и в различные, конкретные варианты уподобления: телесное и духовное. Телесное уподобление осуществляется через движение, подобно тому, как художник с помощью карандаша переносит все детали предмета на лист бумаги или слепой с помощью палки получает представление о дороге, по которой идет. Духовное уподобление происходит посредством слияния активной части души с различными формами, хранящимися в самой душе.

Нужно отметить, что у Аристотеля была намечена линия отказа от уподобления, но он отверг ее, рассматривая развитие как становление и проявление высшей формы в природе в зависимости от материи.

Принцип уподобления в учении Рене Декарта. Действием принципа уподобления пронизаны также все психологические конструкции Нового времени. В этом отношении один из основателей новой философии Рене Декарт также не представляет исключения.

Противопоставив душу и тело, Р.Декарт тем самым противопоставил и два ряда явлений: телесные и душевные. Об их парал-